

РЕЦЕНЗИИ

БУРЛАК С.А. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА: ФАКТЫ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ГИПОТЕЗЫ

М.: АСТРЕЛЬ, 2011. 463 с.

Рецензируемая монография необычна по жанру – она соединяет элементы научного исследования, учебного введения, тематического обзора и научно-популярной книги. С.А. Бурлак, специалист в области индоевропеистики и тохарских языков, с 1990-х гг. серьезно занимающаяся также темой глоттогенеза, опубликовала книгу, которой ощутимо не хватало в лингвистической литературе на русском языке.

Тему происхождения человеческого языка языковеды долгое время не без основания считали научно не актуальной. Однако быстрый прогресс междисциплинарных исследований в наше время привел к тому, что она привлекает с каждым годом все больше серьезных исследователей. Эта ситуация требует обобщающих работ, которые были бы одинаково понятны представителям разных наук, и даже внутри одной науки, например, лингвистики или биологии, представителям разных далеко разошедшихся специальностей. Текст с таким широким кругом адресатов, если он хорошо написан, неизбежно становится событием в научно-популярной литературе, что и произошло в данном случае, – рецензент впервые увидел книгу С.А. Бурлак в большом московском магазине “Библиоглобус”, где она была выложена при входе в числе других “хитов”.

Несколько книг близкого содержания с систематическим обзором результатов, полученных в каждой из областей, имеющих отношение к теме происхождения языка, – в эволюционной антропологии, коммуникации животных, нейрофизиологии, психолингвистике, семиотике, – а также с изложением и оценкой разных теорий глоттогенеза, вышло в последнее время на Западе; теперь работа обобщающего характера появилась и на русском языке. Вообще у нас на тему происхождения языка опубликовано немало, включая оригинальные и переводные монографии и сборники; отметим прежде всего книги А.Н. Барулина, Ж.И. Резниковой и Е.Н. Панова, а также продолжающуюся серию публикаций, в том числе переводных, издательства “Языки славянских культур” (см., например [1–5]).

В отличие от других отечественных и большинства зарубежных авторов, С.А. Бурлак стремится, насколько позволяет объем книги, охватить максимально широкий круг вопросов, а не только те, которые имеют непосредственное отношение к ее собственной гипотезе происхождения языка.

В предисловии автор объясняет, почему тема, которая еще недавно была областью любительских фантазий, приобрела академическую респектабельность¹. К настоящему времени в упомянутых выше дисциплинах накоплен новый материал огромного значения, который, по мнению автора, “позволяет реконструировать картину становления человеческого языка – хотя и не во всех подробностях” (с. 14). Основные методы, с помощью которых исследователи пытаются реконструировать правдоподобный сценарий глоттогенеза, – экстраполяция (например, продолжение векторов развития коммуникативных систем животных), аналогия (с возникновением контактных языков и с усвоением языка детьми), поиск корреляций (между языком и объемом мозга, производством орудий, устройством произносительных органов, социальными характеристиками). Автор не дает оценки их надежности – главный недостаток большинства гипотез происхождения языка, по мнению С.А. Бурлак, заключаются не в несовершенстве методов, а в неучете их авторами надежно установленных фактов.

Глава 1 “Человеческий язык – что в нем уникального?” посвящена определению того, что, собственно, возникает в процессе эволюции, то есть где пролегает граница, отделяющая человеческий язык от других похожих на него феноменов. В качестве отправной точки С.А. Бурлак использует десять из известных шестнадцати признаков (Design Features of Language), сформу-

¹ Сказанное не означает, что все высказанные в прошлом идеи о происхождении языка с современной точки зрения наивны и не имеют ценности. Это касается, например, роли и характера элементов “протоязыка” – имитаций по И.-Г. Гердеру, жестов по Э. Кондильяку, музыки по Ж.-Ж. Руссо и Ч. Дарвину или наблюдений Дарвина о мышлении животных в “Происхождении человека” (1871), или его же разграничения эволюции языка и эволюции способности к языку.

лированных в 1960-е гг. Чарлзом Хоккетом, которые, как он полагал, отличают человеческий язык от “языков” животных и других менее совершенных коммуникативных систем. В отличие от языковых универсалий (например, “во всех языках есть местоимения”), признаки Хоккета тривиальны, то есть входят в само понятие человеческого языка, общее для лингвистов и нелингвистов. К признакам Хоккета автор добавляет еще один – независимость смысла языковых знаков от их физического носителя.

Показывается, что признаки Хоккета не образуют четкой границы между животными и человеком. Во-первых, когнитивные способности человекообразных обезьян, как было выяснено в ходе экспериментов по их обучению, достаточны для того, чтобы они освоили язык с двойным членением, с “продуктивностью” – согласно Хоккету, это образование новых сообщений на основе уже известных знаков, – и приобрели способность к “уклончивости” (*prevarication*), то есть производству ложных высказываний, к овладению языком (*learnability*) и передаче языковых знаний (“премстственность” по Хоккету). Во-вторых, как сообщает автор в главе 4, многие коммуникативные системы животных, и не только приматов, но и, например, пчел, обладают рядом признаков Хоккета. Рассматривая предположительно уникальные аспекты человеческого языка – производство членораздельной звучащей речи, способность к быстрому усвоению большого числа слов и сложной грамматики на протяжении “чувствительного периода” от 2 до 6 лет, рекурсивность синтаксических структур и др., автор приходит к выводу, что отличие языковых способностей человека и животных по большинству параметров скорее количественное, чем качественное, а “ключевым моментом возникновения языка является превращение коммуникативной системы в достраиваемую: именно с этого момента количество знаков становится потенциально бесконечным и позволяет коммуникативной системе обзавестись всеми теми характеристиками, которые и составляют уникальность человеческого языка”. Не совсем ясно, что автор имеет в виду под “достраиваемостью”: на с. 65–67, где вводится это понятие, речь идет скорее о способности овладеть языком, сконструировать грамматику на основе неполных данных, но в других местах книги, например, на с. 82, автор понимает это как свойство самого языка, то есть “продуктивность” по Хоккету. Также не вполне ясно, что имеет в виду автор, когда пишет, что достраиваемость “не связана напрямую с рекурсией (с. 65). Возникновение рекурсивной грамматики М. Хаузер, Н. Хомский и

У.Т. Фитч [6] считают ключевым событием глоттогенеза, и автор – на наш взгляд, обоснованно, – отвергает эту идею. Рекурсия – свойство некоторых простых математических моделей, которые в какой-то степени похожи на человеческий язык, например, “вычислительной системы” Хомского. “Достраиваемость” по С.А. Бурлак включает в себя способность языковых единиц к теоретически не ограниченному усложнению. Поскольку каждая более сложная единица не может относиться к новому грамматическому классу, класс сложной единицы и входящей в нее более простой на каком-то шаге усложнения совпадает, что, очевидно, и обеспечит применимость рекурсивной модели.

В главе 2 “Что нужно для языка?” рассматривается вопрос о том, каковы необходимые материальные предпосылки для возникновения человеческого языка. Это особенности органов артикуляции, прежде всего низкое положение гортани, точное управление мышцами языка, тонкий контроль дыхания и необходимый уровень развития мозга. Дан ценный обзор последних результатов изучения функций участков мозга, связанных с различными аспектами речевой деятельности и подчеркнуто принципиальное различие между распределением функций клеток в мозге и в других органах: нейроны обладают сравнительно низкой специализацией и способны перепрофилироваться, то есть переключаться на другую функцию, поэтому определенные зоны мозга всего лишь предпочтительны для выполнения тех или иных речевых функций. Предпосылкой к возникновению языка являются некоторые свойства мышления, необходимые для усвоения языка детьми, такие, как склонность к символическому мышлению, стремление к общению и кооперации и наличие “компетентного сознания” (*theory of mind*), то есть способности понимать чужие ментальные состояния.

Автор предлагает свое объяснение феномену “грамматического взрыва” – быстрому усвоению грамматики приблизительно на третьем году жизни, отличное от позиции нативистов², полагающих, что есть особая врожденная когни-

² Не совсем удачный термин “нативизм” означает центральную идею философии языка Н. Хомского – о том, что люди наделены врожденной специализированной когнитивной способностью, предназначенной только для усвоения языка и ни для чего другого. Сама по себе врожденность языковой способности никем не ставится под сомнение – что животные не могут научиться человеческому языку, люди знали всегда, и опыты с “говорящими” обезьянами, о которых рассказано в главе 1 рецензируемой книги, не отменяют, а только уточняют это наблюдение.

тивная способность к усвоению грамматики, подобная способностям, например, к ориентации в пространстве или к зрительному распознаванию предметов. Поскольку “человеку в высшей степени свойственно везде улавливать структурные закономерности”, происходит “поиск структуры в хаосе” – например, при креолизации пиджина дети устанавливают грамматическую регулярность даже там, где ее нет, – аналогично тому, как это происходит, например, при заучивании случайного ряда цифр с применением приемов мнемотехники.

Говоря о “поиске структуры в хаосе”, автор, по-видимому, имплицитно опирается на структуралистские представления о единицах языка. Согласно этим представлениям, свойства каждой единицы сводятся к парадигматике (принадлежность к классу) и синтагматике, и все они могут быть выявлены и классифицированы путем простого наблюдения над дистрибуцией: например, слог состоит из двух групп согласных и гласного ядра, предложная группа – из предлога и группы существительного, словоформа – из корня и расположенных в определенном порядке аффиксов, прилагательные могут образовывать сочетания с существительными, наречия с глаголами и т.д. Кажется правдоподобным, что такие структуры могут быть выявлены с помощью сравнительно простого индуктивного механизма на небольшой выборке текстов. Но уже в 1960-е гг. было обнаружено множество фактов, которые не укладываются в структуралистскую схему, так как предполагают регулярную связь далеко отстоящих друг от друга элементов предложения, не образующих отдельной структуры. Например, неспособность анафорического местоимения одновременно предшествовать своему антецеденту и быть подлежащим в том предложении, в которое он входит, ср. (1) *Маша обиделась, когда вы с ней не поздоровались* и *Когда вы с ней не поздоровались, Маша обиделась*, но: *Она обиделась, когда вы с Машей не поздоровались*, может быть установлена, когда в предложении выявлены те и только те признаки, которые учитывает данное правило; кроме того, из всего множества элементов обозначаемых ситуаций необходимо выявить один ключевой признак – совпадение или несовпадение двух референтов. Простой индуктивный механизм усвоения с *pattern-finding techniques*, нацеленными на обнаружение повторяющихся структур, с такой задачей не справится: для сужения области рассматриваемых гипотез требуется более эффективная стратегия.

Не меньшие сложности возникают при усвоении слов, значение которых включает логико-се-

мантические операторы. Например, необходимо обнаружить правило, в силу которого английское предложение (2) *Where did he say that we had to get off the bus?* имеет два значения: i) Где он сказал, что мы должны сойти с автобуса? и ii) Где, по его словам, мы должны сойти с автобуса?, а похожее предложение (3) *Where did he ask whether we had to get off the bus?* – только одно, аналогичное i): ‘Где он спросил, должны ли мы сойти с автобуса’, но не аналогичное ii): *‘Про какое место он спросил, должны ли мы там сойти с автобуса?’. Чтобы вывести обобщение, согласно которому стоящее в начале предложения вопросительное местоимение может по смыслу относиться к обычному придаточному (2), но не к придаточному косвенного вопроса (3)³, требуется выбор из такого же широкого и неопределенного множества гипотез, как и в случае (1); кроме того, в ходе решения задачи необходимо сохранять в долговременной памяти достаточную для этого выборку услышанных предложений типа (2) и (3) и соответствующих им однозначных ситуаций – то есть таких контекстов, в которых понятно, относится ли вопросительное местоимение по смыслу к главному или к придаточному предложению.

Приведем еще один грамматический факт: английское предложение (4) с так наз. “паразитическим пробелом”, когда вопросительное слово соответствует одновременно дополнению в главном и в придаточном, грамматически правильно, а похожее предложение (5), где вопросительное слово соответствует подлежащему главного и дополнению придаточного – неправильно: (4) *Which men did the police warn that they were about to arrest?* ‘Каких людей полиция предупредила, что собираться их арестовать?’ и (5) **Which men warned you that the police were about to arrest?* ‘Какие люди предупредили вас, что полиция собирается их арестовать?’. Каким образом носители английского языка усваивают данное правило? В девяти обследованных корпусах английской речи, обращенной к детям, общим объемом в 675 000 слов, не обнаруживается ни одного примера предложения с “паразитическим пробелом”, то есть типа (4), см. [7]. Возможно, правила для “паразитических пробелов” вообще не усваиваются, а неграмматичность предложений типа (5) вызвана тем, что в них происходит нарушение каких-то более общих принципов организации грамматической структуры. Каким образом ребенок может усваивать такие принципы – благодаря врожденной языковой способности, как думают нативисты,

³ Аналогично в русском языке: *Куда ты хочешь, чтобы они пошли?* vs. **Куда ты спрашиваешь, пошли ли они?*

или используя неспецифические когнитивные механизмы, по мнению их противников, остается предметом споров.

Еще один вид языкового знания, который представляет трудность для индуктивных стратегий усвоения, – это негативные элементы лексической семантики, характеризующие отдельные слова или их небольшие классы, в том числе запреты на лексическую сочетаемость и на значения сочетаний. Каким образом носитель русского языка узнает, например, что существительное *обман*, в отличие от *ложь*, обычно не характеризует содержания единичного высказывания? что *лужайка*, в отличие от *поляны*, должна быть покрыта травой в момент наблюдения? что слово *отважный*, в отличие от *смелый*, не совместимо с отрицательной оценкой (**отважный подлец*)? что нельзя сказать **очень вдалеке*, хотя можно *очень далеко*? и т.п. (примеры в основном заимствованы из [8]). В психолингвистических работах, посвященных усвоению словаря детьми [9–11], вопрос о природе механизма, с помощью которого приобретаются такие знания, по-видимому, еще не поставлен, и ссылка на “поиск структуры в хаосе” в данном случае ничего не проясняет. Если же понятие “структура” у автора означает “любая закономерность”, объяснение становится тавтологичным. Заметим, что негативных закономерностей (как нельзя сказать на данном языке) и “длинных” синтаксических связей не обнаружено ни в коммуникации животных, ни в экспериментах с “говорящими” обезьянами [12].

В главе 3 “Был ли язык у австралопитека?” обсуждается вопрос о возникновении языка в связи с современными представлениями о происхождении человека и последними успехами в изучении ископаемых гоминид. Анатомически современный человек возник один раз, это произошло в Африке около 200 тыс. лет назад, и первоначальная его популяция не была большой. Автор прослеживает постепенное возникновение признаков, необходимых для эффективной артикуляции и развитого мышления. Наблюдения и эксперименты с человекообразными обезьянами показывают, что использование орудий и передача навыков орудийной деятельности не коррелирует автоматически с анатомическим развитием и с появлением языка. Автор убежден, что ни технические новшества, ни развитие искусства и других форм неутилитарного поведения в ходе “верхнепалеолитической революции”, ни усложнение социальной структуры не соответствуют одномоментному возникновению языка: это был процесс, значительно растянутый во времени.

В главе 4 “Коммуникация в мире животных” дан обзор современных работ по системам коммуникации животных и обрисованы сходства и отличия их от человеческого языка. Большой интерес представляют аналогии, возникшие независимо, например, способность к обучению звуковым элементам коммуникации у птиц, у китообразных и у человека. Коммуникативная система представляет выгоду не для отдельных особей, подающих или принимающих сигнал, а для всей популяции. С.А. Бурлак прослеживает генезис вначале эмоциональных сигналов из движений обычной активности на примере двух близких видов ящериц-круглоголовков, а затем референциальных сигналов из эмоциональных на примере двух видов сусликов. Коммуникативная система мартышек Кэмпбелла обладает даже неким подобием морфологии и правил порядка слов; принципиальное отличие ее от человеческого языка, по мнению автора, только в отсутствии достраиваемости. Особую сложность представляет расшифровка смысла сигналов, подаваемых животными, в тех случаях, когда нет взаимно-однозначного соответствия между сигналом и некоторой наблюдаемой ситуацией, так как “граница между просто поведением и сигналами достаточно зыбка” (с. 252). Можно заметить, что проблема дешифровки забытых письменностей решается успешнее, несмотря на то, что там ситуация для исследователей, казалось бы, гораздо менее благоприятна. Возможно, дело в еще одном отличии человеческого языка от “языка” животных, которое не попало в список Хоккета, – возможность всегда отличить языковое поведение человека от неязыкового и вследствие этого – представить любой акт коммуникации в виде упорядоченного множества сигналов. В духе Хоккета такое свойство человеческого языка мы бы предложили называть “отделимостью”. В заключение главы автор рассматривает гомологии и преадаптации у приматов, то есть те аспекты анатомии и поведения, на основе которых могла произойти эволюция языка.

Глава 5 “Как получить новое, унаследовав старое?” посвящена тем механизмам эволюции, которые, по мнению автора, могли сформировать естественный язык из коммуникативных систем предков человека. Здесь продолжается полемика с нативизмом – рассматривая гипотезы, связанные с генетической основой языка, в частности, о “макрмутации” в гене FOXB1, автор приходит к выводу, что “язык, как и многие поведенческие признаки, имеет полигенное наследование” (с. 260). К сожалению, не обходится и без небольшого “соломенного чучела” – на с. 260 ска-

зано, что “гены в принципе не могут кодировать грамматические правила”, а на с. 316 соответствующая идея прямо приписана Хомскому и его сторонникам. С равным основанием можно было бы заметить, например, что отсутствующая у животных способность к пониманию алгебры не имеет отношения к генетике, поскольку записать алгебраические формулы на языке ДНК невозможно. Хомский в последнее время признаёт, что гены – только участники целого каскада факторов эпигенетического процесса, который он называет “ростом языка”. Однако никто из серьезных представителей его направления, насколько мне известно, и раньше не выдвигал абсурдной идеи, что правила или параметры универсальной грамматики могут быть непосредственно записаны в генах⁴.

Гипотеза о происхождении языка должна ответить на вопрос, какие эволюционные преимущества дал человеку язык – “достаточно большое по объему, сложно устроенное и энергоемкое, а с точки зрения некоторых анатомических особенностей даже просто вредное образование” (с. 272). Автор отвергает гипотезы, основанные на предположении, что язык давал адаптивные преимущества одиночной особи, и предполагает, что процесс гоминизации, включавший в том числе и формирование языка, давал выигрыш целым группам приматов, которые с возникновением степей и саванн в Африке в конце эпохи миоцена покинули влажные и тропические леса и перешли в гораздо более разнообразную и сложную для выживания среду.

Заключительная, шестая глава книги посвящена гипотезам о происхождении языка. Основное внимание С.А. Бурлак уделяет наиболее известным или наиболее, с ее точки зрения, перспективным идеям. Таковы современные варианты жестовой теории у М. Корбаллиса и М. Томаселло, а также фактор “коммуникативной кооперации” у последнего автора, гипотезы нативистов – Н. Хомского, Д. Бикертонна и С. Пинкера, “информационное неравенство” в группах гоминид и позднее происхождение грамматики согласно Т. Гивону, теория “языка как паразита” Т. Дикона, которая в этой главе предстает более экстравагантной, чем она есть на самом деле (другие идеи Дикона излагаются в главах 2 и 3); “гипотеза груминга” Р. Данбара, семиотическая теория А.Н. Барулина, гипотеза Б. Дэвиса и П. Мак-Нилиджа о возникновении волевого контроля над звуком, теория

эволюции грамматической структуры Дж. Байби и происхождение морфологии по Э. Карстейрсу-Маккарти. Отдельно рассмотрены опыты компьютерного моделирования некоторых аспектов эволюции языка. Можно упомянуть и две недавние теории протоязыка⁵, которые С.А. Бурлак не успела учесть: музыкальный протоязык, предшественник фонологии, по У.Т. Фитчу [4], и переход от протоязыка к языку с лексической многозначностью как решающее событие глоттогенеза по А.Д. Кошелеву [13]. В заключение обзора автор делает вывод, что “большинство высказанных гипотез в той или иной степени справедливы: действительно, жесты в роли носителя преднамеренной коммуникативной нагрузки предшествовали звукам, звукоподражания – знакам-символам, возникновению языка способствовал переход к передвижению на двух ногах, а также смена лесов саваннами, развитие коммуникативной системы было неразрывно связано с социальностью, а также с объединением речи и мышления и в итоге привело к формированию “врожденной языковой способности”. Но в то же время в каждой из них имеются и некоторые изъяны – одни не учитывают времени появления человека современного вида, другие – работы механизмов наследования, третьи – данных приматологии” (с. 352).

Изложению собственной гипотезы автор скромно отводит меньше 30 страниц, хотя элементы ее можно обнаружить и в других частях книги. По мнению С.А. Бурлак, способность к формированию новых стратегий поведения, стремление и способность устанавливать причинно-следственные связи возросли у тех групп приматов, которые двинулись по пути приспособления к новым, более разнообразным и опасным экологическим условиям позднего миоцена в Африке. В этих условиях возник спрос на новый вид сигналов – сигналы-комментарии, то есть ярлыки, обозначающие доступную наблюдению ситуацию. Отбор на эффективность давал преимущество тем группам, члены которых были склонны запоминать однажды созданные сигналы. Дальнейшие этапы включали утрату иконичности символов, разложение их на опорные компоненты с переходом к двойному членению, формирование ассоциативных связей между знаками и использование их модификаций. Модификация с участием двух или более знаков постепенно создает синтаксис, мо-

⁴ Представление о взглядах генеративистов и исследователей близких направлений на эволюцию языка дает журнал *Biolinguistics* (www.biolinguistics.eu).

⁵ Под протоязыком понимается эволюционный предшественник человеческого языка, а не реконструируемый праязык сравнительно-исторического языкознания, который принципиально не отличается от засвидетельствованных языков. Все праязыки относятся к значительно более позднему времени, чем время происхождения языка.

дификация единственного знака – морфологию. Вытеснение жестов на периферию человеческой коммуникации автор относит к эпохе гейдельбергского человека приблизительно между 600 и 400 тыс. лет назад.

С.А. Бурлак справедливо указывает, что с учетом всех известных сегодня данных простор для произвольных спекуляций значительно сузился. И все же предлагаемые разными авторами эволюционные сценарии, на наш взгляд, остаются шаткими, так как по-прежнему вынуждены опираться на некоторое число недоказуемых и не очевидных предпосылок. Еще хуже то, что часть этих предпосылок, каждая из которых может оказаться ложной, не обсуждается. Такими скрытыми предпосылками являются, например, следующие: 1) формы человеческого поведения эволюционируют в принципе так же, как органы тела или формы поведения животных, – то есть отбор сохраняет и закрепляет признаки, функционально выигрышные для индивида или популяции; 2) функции видоспецифических форм поведения – искусства, религии, морали, языка, – известны; 3) если функций несколько, всегда можно отличить ту главную адаптивную функцию, которая сыграла решающую роль в эволюции формы поведения. Выделив эту функцию, можно предложить правдоподобный сценарий, который включает, во-первых, биологические предпосылки эволюции и, во-вторых, некоторое историческое событие (или цепь событий), которое эту функцию актуализировало, запустив механизм отбора. Популяризации таких сценариев посвящена часть второго тома известной книги А.В. Маркова [14]. На взгляд рецензента, все три предпосылки не только недоказуемы при нынешнем уровне гуманитарных знаний, но и крайне сомнительны.

Основной функцией языка и адаптивным “мотором” эволюции С.А. Бурлак считает коммуникацию, и в ее полемике с противниками этой точки зрения чувствуется удивление: как можно отрицать очевидность? Возражая против мнения Хомского, что адаптивным смыслом языка является мышление, С.А. Бурлак ссылается на роль коммуникации: “язык, нужный прежде всего для мышления, мог бы развиваться у детей, лишенных общения с другими людьми, – ведь мыслить им никто не мешает! Но, как мы знаем, этого не происходит” (с. 318). Однако тот факт, что, например, колючки кактуса могут вырасти и сформироваться только при воздействии на растение солнечных лучей, не означает, что функция колючек имеет отношение к фотосинтезу. Коммуникация, в отличие от мышления, поддается непосредственному наблюдению и поэтому

неизбежно воспринимается на первый взгляд как более важная функция. Но пока нейрология не дает возможности полноценного наблюдения над языковыми процессами, вопрос о сравнительной важности и адаптивной ценности функций остается умозрительным. В отсутствие собственно научного метода остается прибегать к философским аргументам, которые столь же не очевидны во времена Н. Хомского и Д. Деннета, как и во времена Платона или Декарта.

Эффективность коммуникации при любом ее разумном понимании возможна и тогда, когда люди вынуждены общаться на языке, который ни для одного из них не является родным, даже на таком, которым они владеют плохо, или на пиджине. Известно, что из таких коммуникантов с ограниченной способностью к языковому общению составляются и счастливые браки, и вполне успешные рабочие коллективы. Между тем мы знаем, что носитель располагает колоссальной дополнительной информацией о своем языке и необозримым множеством дополнительных языковых умений по сравнению с человеком, который может на этом языке только удовлетворительно общаться. Для того, чтобы объяснить необходимость этой разности нуждами коммуникации, придется расширить понятие коммуникации таким образом, что оно потеряет смысл: любую языковую неудачу придется признавать коммуникативной, даже если она не мешает передаче информации.

По мере развития лингвистики язык представляет все более сложным явлением, в самых хорошо изученных языках ежедневно открываются новые факты, и нет надежды, что в обозримом будущем будет предложено полное описание языковых знаний хотя бы одного-единственного носителя. Претензии генеративной грамматики и функционализма на то, что они могут свести эту головокружительную сложность к нескольким простым фундаментальным принципам, не лишены оснований, но обе эти исследовательские программы пока далеки от решающего, очевидного всем успеха. Таким образом, объяснить происхождение языка – это значит объяснить происхождение тех его компонентов, которые с сегодняшней точки зрения наиболее сложны и одновременно наиболее далеко отстоят от других знаковых систем и от систем коммуникации животных. Что это за компоненты? По нашему мнению, ими является “подводная часть айсберга” – те механизмы языка, о масштабе которых лингвисты долгое время не подозревали: семантико-грамматический “интерфейс”, лексическая семантика и сочетаемость (примеры их действия

даны выше), а также непредсказуемые свойства идиоматических и периферийных конструкций, которыми изобилует любой язык. С.А. Бурлак удалось предложить высоко вероятный сценарий происхождения системы коммуникации – вроде пиджина или удовлетворительно выученного иностранного языка, однако эволюцию наиболее сложных по устройству компонентов невозможно объяснить ни потребностями коммуникации – при их “отключении” коммуникация не страдает, – ни “одной мутацией” Хомского, якобы создавшей рекурсивную вычислительную систему.

Огромный труд по анализу и сопоставлению результатов нескольких областей научного поиска привел к успешному результату – рецензируемая книга достигает поставленных целей и в сжатой и увлекательной форме дает достаточно полное представление о проблеме происхождения языка. Гипотеза самого автора предлагает правдоподобное решение по крайней мере существенной части этой проблемы. Книга написана ясным и простым языком, и ее композиция хорошо продумана, – хотя “романная” структура, лишенная подзаголовков, при таком множестве затронутых тем, переходящих из главы в главу, даже при наличии предметного и именного указателей не всегда удобна для читателя.

Я.Г. Тестелец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Панов Е.Н.* Парадокс непрерывности: языковой Рубикон. О непроходимой пропасти между сигнальными системами животных и языком человека. М.: “Языки славянских культур”, 2012.
2. *Томаселло М.* Истоки человеческого общения. М.: “Языки славянских культур”, 2011.
3. *Бикертон Д.* Язык Адама. Как люди создали язык. Как язык создал людей. М.: “Языки славянских культур”, 2012.
4. *Fitch W.T.* The Evolution of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
5. The Oxford Handbook of Language Evolution / eds. Tallerman M., Gibson K.; 2012.
6. *Hauser M.D., Chomsky N., Fitch W.T.* The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? // Science 298(5598), 2002. P. 1569–1579.
7. *Pearl L., Sprouse J.* Syntactic Islands and Learning Biases: Combining Experimental Syntax and Computational Modeling, to Investigate the Language Acquisition Problem // Language Acquisition, vol. 20. 2013. P. 23–68.
8. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 1-й выпуск. 1999. 511 с. 2-й выпуск. 2000. 487 с. / Ред. Ю.Д. Апресян. М.: “Языки русской культуры”.
9. The Acquisition of the Lexicon / eds. Gleitman L.R., Landau B. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1994.
10. *Bloom P.* How Children Learn the Meaning of Words. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2002.
11. Weaving a Lexicon / eds. Hall D.J., Waxman S.R., Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2004.
12. *Tallerman M.* What is Syntax? // The Oxford Handbook of Language Evolution /eds. Tallerman M., Gibson K. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 442–455.
13. *Кошелев А.Д.* О протоязыке и его трансформации в человеческий язык (лексико-семантические аспекты) // Дифференциально-интеграционная теория развития / Сост. Чуприкова Н.И., Кошелев А.Д. М.: “Языки славянских культур”, 2011. С. 155–182.
14. *Марков А.В.* Эволюция человека. Т. II. Обезьяны, нейроны и душа. М.: Астрель, Corpus, 2012.